

В.Г. РОДИОНОВ

ОБ ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ ТРАНСФОРМАЦИИ НЕКОТОРЫХ
СОСЛОВНЫХ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ В
БУЛГАРСКОМ УЛУСЕ И КАЗАНСКОМ ХАНСТВЕ

Мақалада бизер-бидер, бесермен-бесерман-бусормен-бычырман, чуваш сияқты этнонимдердің шығу тарихы, осы атаумен аталатын халықтардың бұрынғы аты, кейінгі аты, сондай-ақ бұл этнонимнің кімнен, қайдан келгендігі тілдік тұрғыдан қарастырылады.

Makalede biger-bider, besermen-beserman-busormen-bıçıрман, çuvaş gibi isimlerin çıkış tarihi, bu halkların eski ve sonraki isimleri dil açısından araştırılmıştır.

Как утверждают этнонимические исследования ведущих специалистов, изучение возникновения того или иного этнонима должно сопровождаться прежде всего выявлением того ряда, к которому они относятся [1]. Эти ряды (группы) исторически разностадиальны и, как правило, отражают разные уровни самосознания этнических образований. А этнонимы, как известно, являются прежде всего внешним проявлением этнического самосознания. Отсюда понятно, что изучение этнонимов тесно соприкасается проблемами восстановления этнических процессов, происходивших в периоды формирования и развития этнического самосознания народов всего региона.

Фонетически оформленные этнонимы весьма информативны: известные закономерности исторической фонетики и лексики могут способствовать раскрытию многих тайн исторических, в том числе и этнических процессов. Например, горномарийское слово *татар* (этим этнонимом горные марийцы выделяют казанских татар) сообщает нам, что: 1) данный экзоэтноним казанских татар горные марийцы получили от верховных чувашей (<*тодар*>); 2) данное название проникло в лексику правобережных марийцев сравнительно недавно, равно и другой экзоэтноним казанских татар (луговые марийцы называют татар *суас* или *сүэс*); 3) информация об этнических процессах в центральных районах Казанского ханства до горных и луговых марийцев доходила разными путями; 4) горномарийское словосочетание *сасламар* (<*суасла мары*>) следует перевести не как «человек на татарский лад» [2] (горные марийцы словом *суас* называют не татар, а чувашей, преимущественно средненизовых и низовых, а терминами *сасламар* и *марламар* выделяют людей, проживающих в смежных районах верховых чувашей и горных марийцев), а как «человек на чувашский лад» (ср.: *марламар* «человек на марийский лад»).

До XIII – XIV вв. этническое сознание народов Волго-Камья отражало главным образом родо-племенную организацию этнических образований. Начиная с XIV в. в регионе всё чаще начинают фигурировать названия, основанные на сословных и конфессиональных различиях. Например, экзоэтнонимом *татар* русские и некоторые другие народы стали называть кыпчакоязычных золотоордынцев-мусульман, которые находились в своем

супергосударстве в привилегированном положении. Конфессионалом *христианин* (*христианин*) выделяли себя русские, прежде всего простолюдины, принадлежащие к непривилегированным сословиям (в дальнейшем он превратился в сословный термин и стал обозначать лишь простых земледельцев). Следует отметить, что сознание этнических сообществ региона в XIV–XVI вв. больше имело сословно-конфессиональный, чем чисто этнический характер. Именно в данный период таинственно исчезают разные этнонимы (*булгар*, *сувар*, *буртас*), вместо которых появляются совершенно новые, в том числе и рассматриваемые в настоящей статье. Попытки видеть в них изменённые варианты былых этнонимов (*сувар* > чуваш. *булгар* > бигер) не подтверждаются как законами исторической фонетики, так и уровнем этнического сознания носителей этих этнонимов.

БИГЕР, БИДЕР (в срединных говорах удмуртского языка) – удмуртское название казанских татар. С лёгкой руки известного чувашевода Н.И. Золотницкого [3] многие исследователи сопоставляют данное удмуртское слово с этнонимами булгар и билер (точнее *bülär*, от древнебулгарского *bulğar* «самоназвание волжско-камских булгар» [4]).

Совершенно верно замечает В.И. Алатырев, что данную гипотезу невозможно обосновать фонетически: в слове *булгар* выступают заднерядные гласные и сонорный *л*, в этнониме же *бигер* данных звуков нет. Как утверждает удмуртский языковед, в словах, заимствованных из тюркских языков, перехода заднеязычных гласных в переднеязычные, а также выпадения согласного *л* не наблюдается [5]. По таким же соображениям следует считать необоснованным предположение об образовании удмуртского *бигер* от татарского *бил'ар* [6] (точный татарский фонетический облик *bülär*, который в русском варианте передаётся как *бияр*). Здесь уместно заметить, что булгарский этноним *bülär*, подобно булгаро-чувашскому глаголу *цүл* (тат., башк. *бул*) в удмуртском обрёл бы форму *бёлэр* (ср.: удм. *бёлэны* «делить, разделить, обособить, отделить, загородить, обделить» <тюрк. *цүл*, *бул*) [7]. Весьма примечательно, что в булгаро-чувашских заимствованиях согласных звук *л* в середине слова сохраняется и не переходит в *г* (чуваш. *сылах* > удм. *сöулык* «здоровье»; чуваш. *сулак* > удм. *с'улык* «головной убор в виде платка с бахромой, свадебное покрывало» [8]).

Критически рассматривая различные объяснения этнонима *бигер*, В.И. Алатырев приходит к выводу, что он является модифицированным названием из башкирской родо-племенной номенклатуры – *бәкер/ бикер/ бекер* «озвончение инлаутного глухого к произошло между двумя гласными на удмуртской почве: тюр. *бикер* (*бәкер*) > удм. *бигер*» [9].

Фонетически допустимое предположение вызывает вполне закономерный вопрос: почему данным этнонимом называли лишь татар, а не башкир, в составе которых находилась данная родо-племенная группа (удмуртское название башкир *башкырт*, а не *бигер*)? Если два этноса, оба

являющиеся кыпчакоязычными и близкородственными, были названы предками современных удмуртов различными этнонимами, то на то были, видимо, весьма серьёзные причины.

В X–XII вв. южными соседями удмуртов являлись волжско-камские булгары, язык которых был наиболее близок к современному чувашскому. Уже во второй половине XIII в. в Булгарском улусе Золотой Орды проживали и кыпчакоязычные соседи: бывшие хорезмийцы-горожане, золотоордынские баскаки, беки и другие привилегированные сословия данного супергосударства. Изучение родословных записей чепецких татар показывает, что «собственно татарский компонент их полностью происходит от татарских князей, известных и по жалованным грамотам XVI в.» [10]. Предки чепецких татар до середины XV в. входили в состав центральной группы татар, а потом развивались самостоятельно. Каринские князья, в ранних источниках называемые арскими, прибыли на р. Чепца с Заказанья, Арской даруги не ранее начала XV в. Поэтому слово «арские» использовано, скорее всего, не в этническом, а географическом смысле. Арской землей раньше называлось Заказанье в сторону верховья р. Казанки. Область Ару, как сообщает Абу Хамид ал-Гарнати, ещё в XII в. подчинялась булгарам. Исследователями она сопоставляется с Арской землёй [11]. Землевладельцами Арской земли в эпоху Золотой Орды несомненно были кыпчакоязычные беки. Соответственно, арские князья Каринского княжества тоже являлись потомками золотоордынцев, больше всего ногайцев.

Итак, с кыпчакоязычными южными соседями северные удмурты начали тесно соприкасаться с XV в., а южные – ещё раньше. В своей основе они (татары) принадлежали к военно-феодальной знати Улуса Джучи, а потом и Казанского ханства.

В своём капитальном труде «Очерки по истории Казанского ханства» М.Худяков писал, что главным контингентом крупных землевладельцев в ханстве являлись эмиры, беки и мурзы [12]. По древнетюркской традиции (в «Гадательной книге» термин «князь» написан *bege* «правитель, вождь, бек, князь» + «муж, мужчина») [13] в Улусе Джучи, а потом и в Ногайской Орде князья и их повинности назывались соответственно *бигер* [14]. Данным сословно-феодальным термином первоначально выделяли золотоордынских князей, потом князей Казанского ханства, в том числе и Арской даруги. Язык (кыпчакский) и религия (ислам) князей-переселенцев с Заказанья способствовали распространению среди удмуртов их сословного названия (*бигер*) на всех татар-мусульман. Со временем данный сословный термин золотоордынского и казанскоханского периодов стал экзоэтнонимом татар. Да и эндоэтнонимом *татар* в Улусе Джучи пользовалась прежде всего военно-феодальная знать, поэтому он сохранился в памяти потомков золотоордынцев прежде всего в качестве социального термина [15].

Итак, экзоэтноним *бигер* и эндоэтноним *татар* в Улусе Джучи являлись самоназваниями военно-феодальной знати. В XVI–XVII вв. «татарское»

самосознание имела и феодальная прослойка нерусских народов региона, представители которых записывались как «служилые татары». В дальнейшем данный социально-конфессиональный термин (служилые люди из язычествующих народов, как правило, по традиции переходили в ислам и становились мусульманами) преобразовался в этноним. С упразднения в России должности служилых людей термин *татар* утратил свое былое социальное значение, но полностью сохранил конфессиональную окраску. Полевые исследования показывают, что переходящие в ислам чуваша, будучи ещё чувашезычными, начинают себя называть татарами. Сохранились селения, население которых по языку татароязычно, но себя причисляет к чувашам. В таких случаях выясняется, что предки этих людей когда-то отпали в ислам, а потом вновь возвратились в язычество, или же приняли христианство. Можно заключить, что реальное двуязычие способствовало быстрой ассимиляции принявших ислам вчерашних язычников, а их переход в православие полностью приостанавливал данный процесс [16].

БЕС'ЕРМАН (бес.), БУСОРМЕН, БЕСЕРМАН (удм.), БЫЧЫРМАН (тат.чеп.), БЕСЕРМЕН, БЕСЕРМЯН (рус.) – варианты названия современного субэтноса удмуртского народ. Основная часть исследователей считает данный термин этноконфессионализмом, образованным от арабо-перс. *musulmān* «мусульманин». Имеется другой вариант термина: *бусурман* (удм. сев.) – удмурт, принявший мусульманское вероисповедание, ставший мусульманином [17]. В Моргаушском районе Чувашской Республики имеется чувашская деревня *Пӓсӓрман* (русский вариант Басурманы), название которого вполне сопоставимо с североудмуртским вариантом. В.И. Алатырев полагает, что удм. *бусурман*, как и аналогичное русское слово, заимствовано из тюркских языков (ср.: казах; балк., кумык. *бусурман* «мусульманин») [18]. К верховым чувашам и северным удмуртам данный термин проник, скорее всего, через русскоязычных соседей.

Наиболее ранним документом, в котором упомянуты бесермяне как отдельная группа людей в одном ряду с удмуртами (отяками), князьями и татарами, считается «Дозорная книга Каринского стана» 1615 г. [19]. В летописных известиях 1469 г. сообщается, что русские войска напали на Казань и разорили посад, где проживали «бесермены и татары». Обзор летописных источников, детально осуществлённых М.Н. Тихомировым, показывает, что бесермены постоянно упомянуты рядом с татарами и в XIV в. [20]. Ученый считал их камскими булгарами, в XVI в. ассимилированными татарами.

Действительно, летописные известия 1376 г. вроде подтверждают предположение М.Н. Тихомирова: «О болгаряхъ. Тое же зимы посылаа князь великий Дмитрий Иванович князя Дмитрия Михайловича Вольнского ратию на безбожныя Болгары...погониша Русь на них, бьюше их, и убита ту Бесермень 70» [21]. Здесь бесерменами выступают жители г. Болгар. Из

летописных известий 1375 г. можно понять, что бесермены проживали в Нижнем Новгороде вместе с христианами (русскими), а также в Астрахани, но в Сарае они были лишь гостями, скорее всего, в качестве купцов («Бесермен избивающе гостей, а товар их емлюще, а христиань грабяху») [22].

Авторы монографии «Татары» полагают, что «бесермены» русских летописей XIV–XV в.в. «есть оседлое население Улуса Джучи», «татарами» считалось военное сословие, а мусульманами – все остальное население» [23]. Из летописных известий можно заключить, что бесермены проживали главным образом в городах, но только не в Сарае. Они безусловно мусульмане, защитники городов и представители невоенного сословия. Из всего сказанного можно понять, что этим словом выделялись прежде всего горожане-мусульмане нетатарского (незолотоордынского) происхождения. Жители Сарая и мощное военно-служилое сословие Улуса Джучи причислялись к элите супергосударства и татарами назывались в первую очередь они.

Теперь еще раз возвратимся к документу, в котором впервые упомянуты бесермяне Каринского стана. Список с дозорных книг начинается с описания дворов князей, татар и их «половников» (шленных людей). Отдельно описаны дворы и папши «бесермян и отяков», в двух погостах названные как «чувапа и отяки». В обобщающей части вместо «бесермян» написано «чувапа»: «Стан Каринский, а в нем князи и татарова и чувапа и отяки». В общий состав чувашских дворов включены и бесермянские, из чего следует, что эти термины равнозначны, они заменяют друг друга. В более ранних документах наряду с отяками встречаются только «чувапа». Арские татары впервые упомянуты в 1521 г. В 1546 г. и с 1551 г. далее они названы либо каринскими татарами, либо просто татарами. В 1615 г. «в Карине и вверх Чепшы» проживали 391 домохозяина, из них 12 князей, 4 татар, 359 чувашей и отяков, 14 русских пленников и 2 бобыля [24]. Князья и татары были значительно привилегированы, но они составляли не более 5 процентов всего населения. Половняников имели и некоторые бесермяне, которые в результате брачных союзов с татарами уравнились с ними в социальном плане. До их массового крещения они, как показывают исследования Д.М. Исхакова, исповедовали ислам [25].

Итак, замену термина «чувапа» конфессионимом (он частично сохранил былой сословный характер) «бесермяне» следует объяснить исламизацией как «чувашей», так и определенной части удмуртов Каринского стана. Очевидно, этим словом выделялось податное население, не имеющее право называться татарами и бигерами, т.е. князьями. В данном случае создалась типичная ситуация Улуса Джучи: золотоордынцы-мусульмане назывались татарами, а прочие мусульмане – бесермянами. Одну связку с конфессионально-сословными терминами бигер, татар и бесермян составляет и наименование «чувап».

ЧУВАШ – название удмуртского субэтноса бесермян до перехода их в ислам (до начала XVII в.). В Вятском крае оно впервые зафиксировано в начале

XVI в. (1511 и 1522 гг.) [26]. Из документов видно, что «чуваши», как вотяки и каринские татары (беляки), входили в состав зависимого населения. Особые привилегии имели арские князья, с 1588 г. именованные каринскими. Каринские князья, чуваша и часть вотяков в крае считались пришлым населением «из казанских мест». Например, в одном списке с грамоты Ивана Грозного, составленной в 1572г., перечислены «старые вотяки и чуваша», у которых в казанских местах проживали жены и дети в качестве полоняников. «Новыми вотяками и чувашами» названы переселенцы с Заказанья в 70-е годы XVI в. [27] В документах 1547 и 1551 гг. предки бесермян известны как «чуваши арская». В тот период так называлась часть податного населения Арской даруги.

Миграция населения Заказанья на север проходила, очевидно, в несколько этапов. Каринские чуваша находились в подчинении арских князей еще до падения Казани. Временем массового проникновения части населения с Заказанья в бассейн р. Чепцы следует считать XV в. К тому времени Вятская земля находилась под властью московских князей, а это, со своей стороны, способствовало притоку на Вятку жителей Казанского ханства (как князей, так и податного населения), враждебно относившихся к политике ханского двора.

Археологические исследования показывают, что болгары освоили Предкамье главным образом в золотоордынский период. Наиболее густо населенными были бассейны Казанки и среднего течения Мепши [28]. В документах второй половины XVI в. бассейн Казанки назывался Арской дорогой, а район среднего течения Мепши – Зюрейской дорогой. В более ранних известиях последняя названа Чувашской дорогой, которая находилась между Арской и Ногайской дорогами.

Итак, термин «чуваши» на Чепцу проник с Заказанья не ранее XV в. и им выделялось зависимое население Казанского ханства. Если учесть, что данное название в первой половине XVII в. заменилось конфессионимом «бесермян», то естественным становится предположение о социально-конфессиональном характере и первого названия.

В одном из старейших и сравнительно лучших списков «Казанской истории», составленной в 60-е гг. XVI в., выделены следующие сословные группы: привилегированные («болгарские князи и варвары, владеющие поганым языком (т.е. народом) черемским») и зависимые. Последние все названы черемисами, но местами конкретизированы: болгарская чернь, отяки, (на)горная черемиса, луговая (нижняя) черемиса, кокшаская и ветлужская черемиса [29]. Название «варвари» заменяются терминами «казанцы» («уланове, и князи, и мурзы, и большие вельможи, приказчики») и др.) и «татары». В других источниках податное население Заказанья и Предкамья (болгарская чернь) названо чувашами и арскими чувашами. В «Истории о великом князе Московском» (1573) А. Курбский уточняет и название «горная черемиса»: «Егдаж перешлавишася Суру реку, тогда и Черемиса Горная, а по их Чуваши зовомые, язык особливый» [30].

Существует много источников, по которым можно обобщить, что своих омусульманенных сородичей чуваша называли *тутар*, т.е. татарин. Таким же эндонимом пользовались как чувашезычные, так и татароязычные мусульмане. При этом настоящие татары продолжали их называть чувашами же. Самоназванием приверженцев народной религии было *чӑн чӑваш* «истинный чуваш» или просто *чӑваш*, тем самым подразумевалось, что православные их сородичи являются не настоящими чувашами, а лишь кряпенами. В условиях совместного проживания с бывшими соплеменниками омусульманенные чуваша с самосознанием *тутар* в ряде случаев оставались чувашезычными же (например, в д. Зирикли Бижбулякского района Республики Башкортостан, д. Афонькино Шенталинского района Самарской области), а в других ситуациях (в условиях совместного проживания с татароязычными мусульманами, наличия мечети, неимения совместных земельных владений с православными чувашами) они быстро ассимилировались как в плане языка, так и в сфере культуры. Если успевшие сменить свой родной язык татарским мусульмане обратно возвращались в родную религию или становились православными, то они заново начинали называть себя чувашами (например, жители д. Базгеево Шаранского района Республики Башкортостан разговаривают по-татарски, в то же время называют себя чувашами).

Итак, чувашский материал подтверждает профессиональный характер термина «чуваш», сохранившийся вплоть до XX в. В предыдущие века он непременно был сословно-конфессиональным и противопоставлялся слову *тутар*, которым выделяли в первую очередь привилегированного мусульманина Казанского ханства.

В конце 70-х гг. XX в. автор данной статьи и Н.И.Егоров [31] выступили с предположением, согласно которому в основе этнонима «чуваш» лежит древнетюркский глагол *јау-* «приносить жертву», который в современном чувашском должен звучать как *су-,сӑв-*. Н.И. Егоров и сегодня полагает, что *чуваш* является татарским вариантом старочувашского профессионализма *сӑваç(ӑ)*: *сӑв-* «приносить жертву» + *а* (аффикс отглагольного имени) + *ç(ӑ)* «аффикс имени деятеля» [32]. Признавая, что *чӑваш* является обратным заимствованием из татарского языка старочувашского *сӑваç(ӑ)*, автор данной статьи обращает внимание на наличие в гипотезе следующих противоречий: 1) в современном чувашском языке не имеется ни одного слова с корневой основой глагола *су-/сӑв-*; 2) для определения понятия «жертвоприношение» в чувашском языке имеется другое слово: *чӱк* (ср.: *чӱк уйӑх*. «месяц жертвоприношения»), которое проникло как в марийский и удмуртский, так и в венгерский языки [33]; 3) в чувашском языке сохранились слова, образованные от старочувашского существительного *су/сӑв* (<др. тюрк. *юу* «поминальный обряд», *юула* «устраивать поминки, оплакивать» [34]). Вот их неполный перечень: *су/сӑв,сӑв чӑваш* «некрещеный чуваш», «чувашезычник»; *сӑва* «кладбище» < «обряд поминовения предков в близи их

могил» (от сущ. *сулçав* и древне-тюркского уменьшительного аф. + аq/äq, соот. в чуваш. +а, +е: *май+а, çүç+е, тавар+а, тём+е, кант(ă)р+а, ан+а* и др.); *сылăх: сывлăх* «грех» < «предназначенное для проведения обряда *су*»; *су уйăх*. «месяц проведения обряда *су*» [35].

Итак, старочувашский конфессионим *çăваç(ă)* убедительнее выводить не из глагола *јау* «приносить жертву», а от сущ. *юу* «поминальный обряд», который проводился в месяце *су* (вторая половина мая – первая половина июня). +у *çăваш* – это чуваш, который придерживается обряда *су*, а *çăва* – конкретный обряд поминовения предков в месяце *су*; *çăваç(ё)* – человек, придерживающийся обряда поминовения предков вблизи кладбищ, т.е. «язычник». Думается, приверженец народной религии, в первую очередь «булгарская чернь», в XV–XVI вв. мог быть как чуваше-, так и татароязычным. Со временем официальные языки и религия Улуса Джучи и Казанского ханства стали пониматься как неотъемлемое составляющее привилегированных сословий. В результате такого понимания первоначальный конфессионим обрел социальную, а потом и этническую окраску. При этом следует помнить, что этническое сознание высших сословий всегда продвинуто, чем сознание податного населения. Именно этим необходимо объяснить утверждение татаризованного варианта старочувашского конфессионима, а потом и этнонима *чуваш* (> чуваш. *çăваш*).

Таким образом, все этнонимы, рассмотренные в данной работе, являются относительно поздними. Они как этнонимы сложились в результате трансформации сословного (*бигер*) и конфессиональных (*бесерман* и *чуваш*) терминов Улуса Джучи, а потом и Казанского ханства. Основным генератором этнического сознания всегда являлась кыпчакоязычная верхушка этих государств, опиравшаяся на исламские ценности и культ святых правителей. Именно она определяла престижность определенных религий и культур, в том числе и языков, прививала этническое сознание другим социально-конфессиональным образованиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит.-ры, 1970. С. 25.
2. Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск: Изд-во Саран. ун-та. Саран. фил. 1990. С.103.
3. Золотницкий Н.И. Лингвистическая заметка о названиях Булгар, Биляр и Моргваши// Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 1884. Т. III. С. 35-56.
4. Егоров Н. Пространственно-хронологическая динамика этнонима булгар и некоторые проблемы этнополитической истории волжских булгар // Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура. Материалы международной конференции. – Чебоксары, 2003. С. 128-157.

5. Алатырев В.И. Этимологический словарь удмуртского языка. Буквы А,Б,778 словарных статей. – Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1988. С. 176.
6. Тараканов И.В. Заимствованная лексика в удмуртском языке (удмуртско-тюркские языковые контакты). – Ижевск: «Удмуртия», 1982. С.65.
7. Там же. С. 71.
8. Там же, С. 25,29,37.
9. Алатырев В.И. Указ. раб. С.177.
10. Исхаков Д.М. Татаро-бесерманские этнические связи как модель взаимодействия болгарского и золотоордынского-тюркского этносов // Изучение преемственности этно-культурных явлений. – М.: Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1980. С.23.
11. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. – М.: Наука, Гл. ред. вост. л-ры,1971. С.31.
12. Худряков М. Очерки по истории Казанского ханства. – М.: Инсан, 1991, С. 200.
13. Древнетюркский словарь. - Л.: Наука, Ленингр.отд. , 1969. С. 91.
14. Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. – М.: Наука. 1979. С. 12.
15. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV века //Татары. – М.: Наука. 2001. С. 94 – 95.
16. Родионов В.Г. Этноконфессиональные группы народов Поволжья как результат культурно-идеологических ориентаций региона в XIV–XIX вв. // VII конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. - Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2007. С. 105 – 106.
17. Алатырев В.И. Указ раб. С. 215.
18. Там же.
19. Луппов П.Н. Документы по истории Удмуртии XVII–XVIII вв. – Ижевск,: Удм. кн. изд-во,1958. С. 179-190.
20. Тихомиров М.Н. Бесермены в русских источниках // Тихомиров М.Н. Российское государство XV- XVII вв. – М.: Наука, 1973. С. 88.
21. Цит. из след. раб.: Димитриев В.Д. Опустошение Болгарской земли в конце XIV–начале XV веков// Известия НАНИ ЧР. – Чебоксары. – 1996. – №2, с. 60.
22. Там же. С. 59.
23. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Указ. раб. С. 95–96.
24. Луппов П.Н. Указ. раб. С.189–190.
25. Исхаков Д.М.Указ. раб. С. 31.
26. Мухамедова Р.Г. Чепецкие татары// Новое в этнографических исследованиях татарского народа. – Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1978. С. 9; Луппов П.Н. Указ. раб. С. 349-350.
27. Мухамедова Р.Г. Указ. раб. С. 9.
28. Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. – М.: Наука, 1981. С. 21-23.
29. Казанская история. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 44, 45, 48, 49, 53, 61, 68, 86, 87 и др.
30. Цит. из след. раб.: Хрестоматия по культуре Чувашского края: дореволюционный период. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. С. 71.

31. Егоров Н.И. К этимологии этнонима «чѣваш» // Актуальные вопросы чувашского языкознания. Тезисы докладов и сообщений на научн. конф., посвященный 100-летию со дня рождения В.Г. Егорова. – Чебоксары, 1980. С. 34-36.
32. Егоров Н.И., Егоров Э.Н. Бесермяне и чувашаи – этнонимы от-конфессионального происхождения// Диалекты и история тюркских языков во взаимодействии с другими языками. – Чебоксары: ЧГИГН, 2004. С. 153.
33. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т. 2. С – Я. – Чебоксары: ЧГИГН, 1996. С. 426-427.
34. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1969. С. 269-270.
35. См.: Родионов В.Г. К проблеме реконструкции чувашского обрядного комплекса =у// Чувашский гуманитарный вестник. – Чебоксары. – 2008.– № 3.

REZUME

V. G. Rodionov (Cheboksary)

**ABOUT THE MAIN STAGES OF TRANSFORMATION OF SOME ESTATE AND
CONFESSIONAL TERMS IN BULGAR ULYS AND KAZAN KHANATE**

The article deals with the ethnonyms such as “biger-bider, beserman- besermen-busormen- bychyman, chuvash”, the history of their origin, the ancient names of those peoples and their names.